

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Джанталева Мадина Шапиуловна, ассистент, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: lady.jantaleewa@yandex.ru

В данной статье выявляется специфика основных теоретических аспектов процесса приграничного сотрудничества, включающих рассмотрение понятийного аппарата, а так же основных методологических подходов, моделей и типов в рамках мирового опыта.

Ключевые слова: теоретические аспекты, модели, типология приграничного сотрудничества, мировой опыт, геополитика, государство, методологические подходы

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF CROSS-BORDER COOPERATION AS A POLITICAL PROCESS

Dzhantaleeva Madina Sh., Assistant, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E- mail: lady.jantaleewa@yandex.ru

This article reveals the specifics of the main theoretical aspects of the process of cross-border cooperation, including consideration of the conceptual apparatus, as well as the major methodological approaches, models and types within the world of experience.

Keywords: theoretical aspects of the model, the typology of cross-border cooperation, world history, geopolitics, government, methodological approaches

Проблема всестороннего взаимодействия приграничных регионов является достаточно новой для политической науки. Несмотря на большое внимание со стороны исследователей, специализирующихся на изучении интеграционных процессов, проблема приграничного сотрудничества до сих пор не обрела полного теоретического понимания. Тем не менее, современная наука обладает определенным набором методологических подходов, которые служат инструментарием для всестороннего изучения приграничного сотрудничества как политического явления. Прежде чем приступить к анализу основных теоретико-методологических подходов, необходимо выяснить сущность государственной политики, и какие направления деятельности она в себе содержит.

Исследователь Н. Зенькович понимает под государственной политикой нацеленную на решение общественных проблем работу государственных органов власти, которая позволяет достигнуть и реализовать первоочередные цели и задачи общественного развития или его отдельных областей.

Государственная политика служит средством достижения конкретных целей и задач в интересующих государство сферах. Обладая определенными ресурсами, государство формирует политико-правовые, административные, экономические способы реализации государственной политики. Важно подчеркнуть, что такая политика государства, во всех ее проявлениях, должна быть «прозрачной» и ориентированной на конечный результат.

Ученые-политологи в исследовании вопроса государственной политики опираются на несколько теоретических подходов, которые позволяют комплексно ее анализировать с позиции различных аспектов и точек зрения. Все это позволяет выработать некий теоретико-методологический базис, который нужен исследователю для детального изучения политического курса, вырабатываемого государственными властными структурами, в частности, в области приграничного сотрудничества. Базовые подходы к изучению государственной политики выражены в следующем [13, с. 23]: 1) с позиции сторонников концепции политического процесса государственная политика есть результат политической деятельности, которая четко структурирована и обладает последовательными фазами векторного решения общественных проблем через выявление важнейших проблем, формирование основных целей политики и самой политики, легитимацию, выполнение, оценку и мониторинг; 2) элитология видит государственную политику в качестве итога работы политической и административной элит, основанной на личных предпочтениях и убеждениях; 3) на основе выработанных технологий управления достигается оптимальная реализация общественных задач – такое видение государственной политики свойственно приверженцам теории рационализма.

Разработка и реализация курса государственной политики может осуществляться на разных уровнях. Определение уровня зависит от диапазона стоящей перед руководством проблемы или самой сферы общественной жизни. Уровень выявляет целевую и стратегическую направленность политики, ориентированность участвующих в ней образований и индивидов, а также положительные и отрицательные последствия реализации курса государственной политики. Как правило, исследователи выделяют: 1) мегауровень, измеряющийся в глобальных масштабах страны или групп стран; 2) макрорень, определяющийся отдельными сферами и направлениями политической деятельности государства; 3) микроуровень, базирующийся на решении локальных политических проблем.

Именно на двух последних уровнях рассматриваются и анализируются вопросы приграничного сотрудничества.

Кроме того, государственная политика различается по основным направлениям осуществления и типам: экономическая государственная политика, социальная государственная политика, государственная национальная политика и международная политика государства. Исходя из проблематики нашего исследования, нас интересует международная политика государства, представляющая собой совокупность рычагов координации отношений между суверенными государствами и другими международными акторами, выступающая для каждого отдельного государства как его внешняя политика. Приграничное сотрудничество является неотъемлемой частью международных и внешнеэкономических взаимосвязей субъектов и территориально-

муниципальных образований, включая взаимовыгодное партнерство с субъектами соседствующих государств. Данное партнерство ориентировано на всестороннее развитие приграничных территорий и наращивание взаимодополняющих партнерских отношений субъектов приграничных территорий одного государства с граничащими образованиями соседних государств [24].

Предлагается разделить существующие методологические подходы, всесторонне изучающие приграничное сотрудничество, на несколько групп.

Первая группа теоретиков представляет политический реализм – старейшую школу исследований политических явлений и процессов. Международную систему данная школа рассматривает как взаимодействие государств, основу которого составляют их эгоистические мотивы и приоритеты. Сторонники реализма убеждены в конфликтности данного процесса – в силу постоянной мировой борьбы за глобальную гегемонию. Вопросы обеспечения трансграничной безопасности выходят в международных отношениях на первый план по причине наличия у соседних государств собственных конкурентных стратегий обеспечения выигрышных позиций в регионе. Такой точки зрения придерживались Х. Моргентау, Ф. Генц, П. Кеннеди, А. С. Макарычев [17].

Политические реалисты уверены в том, что государства представляют собой рациональных акторов, которые стремятся к экспансии, соблюдая правила «игры с нулевой суммой». Показателем мощи конкретной страны является ее самостоятельность, обеспечиваемая за счет наибольшего сосредоточения ресурсов на подконтрольной территории. По их мнению, все это является признаками географического детерминизма, когда малые государства не имеют возможности проявлять инициативу в международном политическом процессе, при этом выполняя функции зависимых игроков.

Политический реализм часто основывается на геополитических концептах, отталкивается от таких важных его основ, как национальная безопасность (Х. Моргентау, П. Кеннеди и др.) баланс сил (Ф. Генц и его сторонники); гегемония и субгегемония [1, с. 29].

Вторая группа теоретиков рассматривала приграничное сотрудничество в рамках подхода транснационализма (Г. Файст, Г. Штрабургер, Р. Кеохейн, Г. Шеффера, Дж. Най) [2], который представлялся как платформа взаимодействия органов государственной власти, разнообразных общественных институтов, а также агентов, разворачивающих транснациональные коммуникации.

По мнению Г. Штрабургера, «транснациональное пространство представляет собой постоянные потоки через границу не только людей, товаров, услуг, но и идей и символов, позволяя связать страну исхода мигрантов и территорию приема в единую миграционную систему» [4, с. 49].

На современном этапе развития государство во многом уступает негосударственным акторам в целесообразности принимаемых решений, что является демонстрацией и роста влияния дихотомии «государство – транснациональные сети». Акторы, по мнению исследователя Г. Шеффера, пересекают исключительно границы государств, административных образований, а не наций [25, с. 170].

Классики транснационализма Р. Кеохейн, Дж. Най, Т. Файст считают, что «государственно-административное регулирование не способно отслеживать значительный спектр взаимодействий между обществами» [3], поскольку множество агентов, разделенных государственными границами, связывают между собой трансграничные сети коммуникаций. Естественным является их стремление к экспансии и расширению своей деятельности на новые сферы, причем государственные границы не рассматриваются в качестве барьера в данном процессе. Сущность отношений поверх государственных границ составляют политика, торговля, межкультурное взаимодействие, туризм, транспортные сети, которые становятся все масштабнее в глобальном и взаимосвязанном мире.

Мировые глобализационные процессы легли в основу третьего теоретического подхода – глобализационного. Процессы глобализации универсальны: они протекают одновременно во всех сферах жизнедеятельности государств, интегрируя в сложную совокупность векторов. Прямым следствием глобализационных процессов является наращивание приграничного взаимодействия. Это, в свою очередь, приводит к тому, что региональные и локальные сообщества воспринимаются в качестве своеобразной дорожной карты или транспортно-информационного путеводителя, обязанного отвечать требованиям логистики.

Позитивное и негативное влияние глобализации на интеграционное взаимодействие изучали известные зарубежные теоретики – Г. Киссинджер, З. Бжезинский, С. Хантингтон, Дж. Сорос, А. Аппадураи, Дж. Бхагвати, И. Валлерстайн, Л. Склэр, К. Омаи, Дж. Стиглиц, М. Кастельс, Р. Робертсон, Г. Терборни др.

По мнению У. Бека, Дж. Бхагвати, Г. Киссинджера, «в будущем роль национального государства как эффективной площадки для решения проблем своих регионов будет сокращаться в силу возрастания противоречий между административно-территориальными границами, и внетерриториальной спецификой проблем современности» [7]. Следующая группа теоретиков представляет институционализм и неинституционализм. Классический институционализм и его дальнейшие модификации исследуют аспекты жизнедеятельности политических сообществ, связанные с повышением эффективности их основных агентов через наращивание их ресурсных составляющих. Интересным является мнение Д. Норта и В. Гельмана относительно проблем ресурсообеспечения.

Д. Норт полагает, что институты способны укреплять свое положение за счет сложившихся условий дефицита ресурсов и конкурентной борьбы с тем, чтобы извлекать выгоду из текущих и будущих трансакций. Изучая данную проблематику, В. Гельман пришел к выводу о том, что главной целью акторов, стремящихся к контролю за ресурсами, является улучшение или недопущение ухудшения своего положения [10]. Рассматривая институциональный подход, можно констатировать: его сторонники сходятся в том, что эффективные институты могут послужить в качестве основы для всевозможных трансграничных альянсов и с их же помощью преодолеть «анархию периферии», на которую указывают реалисты.

В рамках институционального подхода сложилась теория неинституционализма. Особенность ее заключается в рассмотрении феномена границы не только через призму политического взаимодействия.

Данная теория определяет границы в качестве политических институтов, результативность деятельности которых устанавливается за счет сложной организационной структуры, состоящей из большого количества акторов: политических (муниципальные, региональные, федеральные и международные органы власти), экономических (субъекты хозяйственных отношений и финансовых потоков), общественных (неправительственные организации).

Приграничное сотрудничество данных акторов сопряжено с большим количеством транзакционных издержек и не всегда последовательной логикой экономической рациональности. Приграничные контакты являются коммуникационной и переговорной сферой с чрезвычайно важными историческими традициями, доминирующими правилами поведения, этическими нормами, культурно-религиозными факторами.

Схожее видение проблемы приграничного сотрудничества представлено в еще одном методологическом подходе – функционализме и неофункционализме. В рамках данного подхода границы выступают в качестве так называемых «инструментов интеграции», которые необходимо использовать в зависимости от конкретной ситуации. Успех приграничной интеграции, с точки зрения сторонников данного подхода напрямую зависит от возрастания роли функциональных организационных структур, возникших на неполитической, технической основе. Создание и распространение функциональных связей, которые в конечном итоге поспособствуют нивелированию межгосударственных конфликтов и приведут к формированию совместных политических институтов, не политизированные эксперты могут обеспечить в гораздо большей степени, нежели публичные политики.

Сторонники неофункционализма, такие как Э. Хаас, Л. Линдберг, Л. Шейнман, Ф. Шмиттер, указывали на то, что успех сотрудничества носит вероятностный характер в силу зависимости от предпочтений политических элит в данном процессе и от общей культурно-исторической среды [22].

Идеи перечисленных теоретико-методологических подходов к исследованию приграничного сотрудничества интересны тем, что каждый из них обладает определенным потенциалом в решении существующих проблем в рамках данного процесса. Вышеперечисленные подходы могут выступать в качестве научной парадигмы при изучении политических, социальных, культурных и экономических процессов, протекающих на приграничных территориях.

Теоретическая глава была бы не полной без рассмотрения отечественных работ, посвященных проблеме приграничного сотрудничества. Значительный интерес представляют труды современных исследователей данной проблемы, которые мы рассмотрим подробнее.

А. И. Морозов истолковывает феномен приграничного сотрудничества как «развитие всесторонних взаимовыгодных связей сопредельных приграничных регионов, осуществляемое путем согласования решений органов государственного и регионального управления на основе международно-правовых актов и национального законодательства» [18, с. 33].

По мнению Ю. В. Шишкова, приграничное сотрудничество необходимо рассматривать как предшественника интеграции, его прединтеграционную стадию. Интеграцию и приграничное сотрудничество объединяет тождественность целей, задач, определения сущности процессов, сходство причин и факторов, ориентационной направленности тенденций [25, с. 17].

Приграничное сотрудничество в данном формате выступает в качестве региональной фрагментации интеграции и характеризуется как процесс, протекающий в рамках экономического взаимодействия. Однако приграничное сотрудничество имеет свою линию развития, которая задается определенными рамками взаимоотношений с соседними государствами и ограничивается только этим кругом государств. «На приграничные отношения географическая близость накладывает целый ряд особенностей экономического, демографического, экологического и гуманитарного характера» [25, с. 22].

Интересной представляется точка зрения С. Н. Грибовой на процессы глобализации и их роль в развитии взаимодействия государств. Исследователь считает, что «рассмотрение приграничного сотрудничества происходит в контексте мировых процессов – глобализации и регионализации, причем глобализация выступает как общий контур мирового развития, формирования национальных, региональных, субрегиональных интересов, а регионализация обеспечивает сопряченность и интенсивность процессов сотрудничества соседствующих стран в каждом конкретном районе мира» [11, с. 73].

О влиянии процессов глобализации на развитие приграничного сотрудничества заявлял Л. Б. Вардомский. По его мнению, отчетливо прослеживается «...широкое распространение по всему земному шару практик, ценностей, технологий и других достижений человеческой мысли, которые оказывают все более сильное воздействие в любой точке планеты. В этом смысле глобализация сужает возможности для государства развиваться особым образом, по собственному пути» [8, с. 54].

Иными словами, тенденции современности таковы, что из-за возрастающей взаимозависимости государств в мире последние теряют монополию на управление многими процессами и связями, а государственные границы, в свою очередь, превращаются в зоны контактов и все в большей степени утрачивают свою функцию барьеров. Ранее разделенные границами территории сегодня становятся более коррелирующими, образуя при этом устойчивые сети приграничных коммуникаций. Это приводит к формированию локальных сообществ, неких территориальных единиц, связанных этими коммуникационными сетями, что выражается в процессе регионализации. Суть регионализации заключается в объединении нескольких государств или отдельных регионов государства в единое сообщество. Цель такого объединения состоит в создании, укреплении или сохранении взаимовыгодных региональных связей и последовательных изменений в организации пространственно-территориального, политического устройства государства.

Важной проблемой процесса регионализации, по мнению В. Алексева, является не отлаженность механизма взаимодействия центра и регионов, государства в целом и составляющих его территорий [6, с. 5].

Основой регионализма выступает стремление властей, социальных институтов, локальных агентов, связанных приграничными сетями, укрепить или создать новую идентичность в рамках определенных

территорий, которые могут составлять части одной страны или группы стран, расположенных в одном географическом региональном пространстве.

Анализ имеющихся научных публикаций показывает, что представления ученых о регионе и его взаимодействии с границей отражают, в первую очередь, иерархию отношений между государственным центром и субъектами. Однако в последнее время в политической науке стала актуальной тенденция поиска альтернативы такому узкому представлению в «форме сетей, структурирующих регион не как единицу административной структуры, а как систему отношений сотрудничества, выстраиваемую, в том числе поверх административных границ» [14, с. 17].

Многочисленные исследования проблемы приграничного сотрудничества в научном сообществе свидетельствуют об уточнении таких понятий, как «приграничное сотрудничество», «участники приграничного сотрудничества», «территория приграничного сотрудничества», «приграничный субъект Российской Федерации» [21, с. 27].

Полагаем, что в складывающихся условиях регионы должны брать инициативу на себя и выступать в качестве ключевых агентов данных процессов, поскольку приграничное сотрудничество является самым оптимальным и взаимовыгодным вариантом выстраивания отношений с соседними государствами.

Принципиальной задачей представляется необходимость дефиниции понятия «региональное приграничное сотрудничество», поскольку оно является близким по значению к таким категориям, как трансграничное региональное сотрудничество, межрегиональное сотрудничество. Региональное приграничное сотрудничество имеет определенную специфику. Развитие приграничного взаимодействия происходит благодаря тесному сотрудничеству приграничных регионов соседствующих стран в экономической, культурно-гуманитарной и других сферах жизнедеятельности. Особенность данного сотрудничества состоит в том, что оно, при эффективном его использовании, выступает в качестве локомотива развития интеграционных процессов соседствующих государств. Региональное приграничное сотрудничество не является схожим с понятием межрегионального сотрудничества, поскольку последнее формируется на уровне взаимодействия субъектов в рамках одного государства.

Трансграничное региональное сотрудничество подразумевается тогда, когда речь заходит о международном межрегиональном сотрудничестве. Такое сотрудничество выражается в формах трансграничного сотрудничества (со всеми его вариантами, к которым, в том числе, относятся еврорегионы и межгосударственные трансграничные кластеры), межтерриториального сотрудничества). С развитием и налаживанием добрососедских отношений между регионами за ее пределами одного государства возникает региональное приграничное сотрудничество, подразумевающее наличие границы и необходимость её обустройства, использование природных ресурсов и, соответственно, решение общих или идентичных проблем, деятельность в различных отраслях. Исследование теоретических аспектов приграничного сотрудничества будет неполным без рассмотрения основных моделей и типов данного процесса.

Современные формы и механизмы приграничного сотрудничества объединяют в себе комплекс свойств и характеристик, за счет которых они могут существовать в виде локальных, региональных, национальных и интернациональных моделей. Такие модели способны функционировать только на основе эффективного интеграционного взаимодействия, сплачивающего сообщество приграничных территорий, с помощью работоспособных механизмов свободной торговли, а также таможенных, социально-экономических, культурных и других союзов. Приграничное сотрудничество в разных странах и на разных участках границы различается довольно сильно, в силу влияния разнообразных факторов. Существует три основные модели данного процесса:

Основу *первой*, т.н. традиционной модели, составляет обслуживание и развитие приграничных связей с помощью заключения в большей степени экономических соглашений между регионами. Экономический фактор в традиционной модели представлен в желании одной стороны выйти на новый/альтернативный рынок сбыта, и в получении широкого выбора более доступных товаров и услуг для другой стороны. Значительные объемы товарооборота по трансграничным сетям создают реальные предпосылки для экономического роста приграничных территорий. Именно экономический компонент развития приграничных регионов является ключевым в ситуации, когда нет других альтернатив.

Вторая модель – преференциальная. Данная модель предполагает предоставление определенных преференций приграничным регионам, как на двусторонней, так и на односторонней основе. Преференциальная модель характеризуется организацией экономических зон, повышением инвестиционной привлекательности приграничных регионов за счет создания специального таможенного и налогового режима, смягчения приграничных ограничений.

Третья модель – партнерская, или институциональная. Базой для ее создания выступают специально создаваемые институциональные структуры, совместные проекты и программы, в целом договорные отношения. Уровень децентрализации власти и государственных финансов, развитие гражданского общества взаимодействующих стран отражаются на эффективности данной модели. Ее организационной единицей выступает еврорегион.

Изучая передовой европейский опыт, исследователи рассматривают еврорегионы, в качестве наиболее успешной формы приграничного сотрудничества [19, с. 340]. Еврорегионы – не что иное, как географически обособленная часть приграничных территорий сопредельных государств, которая представляет собой несколько административно-территориальных единиц, сформировавшихся на основе взаимных интересов в различных областях. Функционируют еврорегионы на базе равных полномочий сторон, принципа самоуправления, трансграничных связей, соблюдения действующего законодательства. Зачастую членами еврорегионов являются муниципальные образования, значительно реже – административно-территориальные образования регионального уровня.

Приграничное сотрудничество Российской Федерации с соседствующими европейскими государствами складывается по сценариям трех типов, которые выделяются учеными в соответствии с многовариантностью моделей и курсов приграничного сотрудничества.

Основной принцип действия европейского типа приграничного сотрудничества выражается в устранении негативного влияния границ, что и определяет некоторые его особенности. Сотрудничество происходит в форме равного диалога, с соблюдением принципа выравнивания социально-экономического развития приграничных территорий [11, с. 78], которые классифицируются в соответствии с их существенными экономическими, демографическими и физико-географическими характеристиками. Главнейшим элементом механизма взаимодействия является разработка эффективных международных программ, их реализация и совместное финансирование.

Второй тип приграничного сотрудничества – азиатский. Это взаимодействие Российской Федерации прежде всего с Китаем, Монголией и Северной Кореей, причем наиболее развитым является китайский вектор приграничного сотрудничества. Российско-китайское приграничное сотрудничество создает благоприятные перспективы для наращивания взаимных контактов сопредельных территорий двух стран по широкому спектру направлений. Особенностью данного типа является, во-первых, слабая развитость приграничных районов сопредельных стран, позволяющая рассматривать его как причину для их экономического подъема, а во-вторых – наличие разных культурно-цивилизационных систем приграничных территорий. Такое своеобразие создает необходимость дополнения экономической интеграции восприятием иной цивилизационной общности.

Основной смысл приграничного сотрудничества в рамках третьей модели – постсоветской – состоит в том, «чтобы волею судеб разделенные народы, оказавшиеся на стыке государств, имели возможность жить в достойных условиях, чтобы оставалась уверенность в межличностном общении, экономических, гуманитарных, научно-технических и других связях».

По мнению А. Н. Леонтьевой и В. А. Сапрыки, именно приграничное сотрудничество и региональные взаимосвязи могут стать локомотивами для разработки и реализации конструктивных проектов будущего для постсоветских государств [15]. Их приграничные регионы в силу ряда исторических и социокультурных условий способны генерировать интеграционные процессы именно в хронотопе постсоветского пространства, который пока используется явно недостаточно.

В результате рассмотрения данного вопроса мы пришли к следующим выводам.

Основы приграничного сотрудничества не разработаны в той степени, которая необходима для эффективного регулирования отношений в этой сфере. Например, в Российской Федерации применяются следующие понятия: «сотрудничество приграничных территорий», «сотрудничество приграничных областей», «приграничное сотрудничество», «трансграничное сотрудничество». На наш взгляд, приграничное сотрудничество России и Казахстана является ярким примером регионального приграничного сотрудничества, поэтому нами было уточнено данное понятие.

Рассмотрев основные модели приграничного сотрудничества, можно сделать вывод о том, что российско-казахстанское приграничное сотрудничество относится к традиционному типу. Особенность данной модели заключается в том, что она базируется на хозяйственных, социальных и культурных скрепах, существовавших ранее между республиками бывшего СССР, границы между которыми были максимально проницаемыми.

Проведенный обзор наиболее востребованных теоретико-методологических подходов к проблеме приграничного сотрудничества продемонстрировал, что каждый из них обладает необходимыми способами для разрешения сложных проблем. Поэтому в целях максимизации результатов исследования в каждом конкретном случае целесообразно использовать их комбинацию, ориентируясь на специфику проблемного поля. На наш взгляд, в российско-казахстанском приграничном сотрудничестве многие из существующих сегодня вопросов с наибольшей полнотой могут быть проанализированы путем творческого применения неинституционального подхода.

Список литературы

1. Jurg M. G. *Worldviews and Theories of International Relations*. New York: St. Martin's Press, Inc., 1994. P. 29.
2. Keohane R. O., Nye J. S. (Jr.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, 1972; Faist T. *Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture* // Working Papers Institute for Intercultural and International Studies. 1999.
3. Keohane R. O., Nye J. S. (Jr.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, 1972; Faist T. *Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture* // Working Papers Institute for Intercultural and International Studies. 1999.
4. Strassburger G. *Transnational social spaces* // *Comparative European Research in Migration, Diversity and Identities* / ed. by W. Bosswick, C. Husband. Bilbao: University of Deusto, 2005. P. 49.
5. Segbers K. *Transformations in Russia: a neoinstitutionalist interpretation* // *Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts, Freie Universität Berlin*, 1997. № 11.
6. Алексеев В. В. *Регионализм в России*. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1999. С. 4–5.
7. Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Бхагвати Дж. В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002.
8. Вардомский Л. Б. *Российское порубежье в условиях глобализации*. М.: Либроком, 2009. С. 54.
9. Гаджиев К. Введение в геополитику. М.: Логос, 1998. С. 9–28.
10. Гельман В. Я. *Трансформация и режимы. Неопределенность и ее последствия* // *Россия регионов. Трансформация политических режимов*. М., 2000.

11. Грибова С. Н. Приграничное сотрудничество: теоретические истоки изучения // Известия Иркутской государственной экономической академии. Иркутск: Байкальский государственный ун-т экономики и права, 2006. № 1 (66). С. 72–78.
12. Грибова С. Н. Приграничное сотрудничество: теоретические и правовые истоки изучения // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 1 (46). С. 15–20.
13. Зенькович Н. Национальная политика: творцы и исполнители. М., 2008. С. 23.
14. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. П. Велимева. М.: АСТ, 2006; Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007; Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. Г. Г. Пирогова. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003.
15. Левяш И. Я. Регионалистика как концептуальное основание механизма межрегионального и приграничного сотрудничества // Псковский регионалогический журнал. 2011. № 11. С. 17.
16. Леонтьева А. Н., Сапрыка В. А. Имитационные и конструктивные проекты в приграничном сотрудничестве постсоветских государств // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. Электронные данные. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/106-7842>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 12.12.2014 г.).
17. Макарычев А. С. Пространственные характеристики трансграничной безопасности: концептуальные контексты. Электронные данные. Режим доступа: <http://www.policy.hu/makarychev/rus8.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (датаобращения:02.12.2014); Jurg M. G. Worldviews and Theories of International Relations. New York: St. Martin's Press, Inc., 1994. P. 29; Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997; Моргентhay Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.
18. Морозов А. И. Современное состояние и концептуальные основы приграничного сотрудничества // Экономика и политика. 2007. № 11 (36). С. 33.
19. Модели поведения человека в институциональной экономике. Электронные данные. Режим доступа: <http://ie.boom.ru/Lecture2.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 11.11.2014).
20. Рыбалкин В. Е. Международные экономические отношения. М., 2012. С. 340.
21. Сафронова О. Функционализм и неофункционализм: экономические, социальные и политические процессы региональной интеграции // Регион в составе федерации. Политика, экономика, право. Нижний Новгород, 1999. С. 103.
22. Усманов Р. Х., Карабущенко П. Л. Влияние этнополитических процессов на современные реформы местного самоуправления (этиологический анализ) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 4 (59). С. 66–69.
23. Федеральный Закон «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» от 2011 г. // Консультант плюс. 2011.
24. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 170.
25. Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI в. Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001. С. 17.

References

1. Jurg M. G. *Worldviews and Theories of International Relations*. New York, St. Martin's Press, Inc., 1994, p. 29.
2. Keohane R. O., Nye J. S. (Jr.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, 1972; Faist T. *Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture. Working Papers Institute for Intercultural and International Studies*. 1999.
3. Keohane R. O., Nye J. S. (Jr.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, 1972; Faist T. *Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture. Working Papers Institute for Intercultural and International Studies*. 1999.
4. Strassburger G. *Transnational social spaces. Comparative European Research in Migration, Diversity and Identities*. Ed. by W. Bosswick, C. Husband. Bilbao, University of Deusto, 2005, p. 49.
5. Segbers K. *Transformations in Russia: a neoinstitutionalist interpretation. Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts, Freie Universität*. Berlin, 1997, no. 11.
6. Alekseev V. V. *Regionalizm v Rossii*. Ekaterinburg, Ural Branch RAS, 1999, pp. 4–5.
7. Bek U. *Chto takoe globalizatsiya*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001; Bkhagvati Dzh. *Vzashchitu globalizatsii*. Moscow, Ladomir Publ., 2005; Kissindzher G. *Nuzhna li Amerike vneshnyaya politika? K diplomatii dlya XXI veka*. Ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Ladomir Publ., 2002.
8. Vardomskiy L. B. *Rossiyskoe porubezhe v usloviyakh globalizatsii*. Moscow, Librokom Publ., 2009, p. 64.
9. Gadzhiev K. *Vvedenie v geopolitiku*. Moscow, Logos Publ., 1998, pp. 9–28.
10. Gelman V. Ya. *Transformatsiya i rezhimy. Neopredelennost i ee posledstviya. Rossiya regionov. Transformatsiya politicheskikh rezhimov*. Moscow, 2000.
11. Gribova S. N. *Prigranichnoe sotrudnichestvo: teoreticheskie istoki izucheniya. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2006, no. 1 (66), pp. 72–78.
12. Gribova S. N. *Prigranichnoe sotrudnichestvo: teoreticheskie i pravovye istoki izucheniya. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*, 2006, no. 1 (46), pp. 15–20.
13. Zhenkovich N. *Natsionalnaya politika: tvortsy i ispolniteli*. Moscow, 2008, p. 23.
14. Kissindzher G. *Nuzhna li Amerike vneshnyaya politika? K diplomatii dlya XXI veka*. Ed. by V. L. Inozemtseva. Moscow, Ladomir Publ., 2002; Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ., 2006; Bzhezinskiy Z. *Vybor. Mirovoe gospodstvo ili globalnoe liderstvo*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya

- Publ., 2007; Stiglitz Dzh. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii*. Moscow, Natsionalnyy obshchestvenno-nauchnyy fond Publ., 2003.
15. Levyash I. Ya. Regionalistika kak kontseptualnoe osnovanie mekhanizma mezhrayonnogo i prigranichnogo sotrudnichestva. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*, 2011, no. 11, p. 17;
16. Leonteva A. N., Sapryka V. A. Imitatsionnye i konstruktivnye proekty v prigranichnom sotrudnichestve postsovetskikh gosudarstv. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2012, no. 6. Available at: <http://www.science-education.ru/106-7842> (Accessed 12.12.2014).
17. Makarychev A. S. *Prostranstvennye kharakteristiki transgranichnoy bezopasnosti: kontseptualnye konteksty*. Available at: <http://www.policy.hu/makarychev/rus8.htm> (Accessed 02.12.2014); Jurg M. G. *Worldviews and Theories of International Relations*. New York, St. Martin's Press, Inc., 1994, p. 29; Kennedi P. *Vstupaya v dvadtsat pervyy vek*. Moscow, 1997; Morgentau G. *Mezhdunarodnaya politika. Antologiya mirovoy politicheskoy mysli: in 5 vol.* Moscow, 1997, vol. 2.
18. Morozov A. I. Sovremennoe sostoyanie i kontseptualnye osnovy prigranichnogo sotrudnichestva. *Ekonomika i politika*, 2007, no. 11 (36), p. 33.
19. *Modeli povedeniya cheloveka v institutsionalnoy ekonomike*. Available at: <http://ie.boom.ru/Lecture2.htm> (Accessed 11.11.2014).
20. Rybalkin V. Ye. *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya*. Moscow, 2012, p. 340.
21. Safronova O. Funktsionalizm i neofunktsionalizm: ekonomicheskie, sotsialnye i politicheskie protsessy regionalnoy integratsii. *Region v sostave federatsii. Politika, ekonomika, pravo*. Nizhniy Novgorod, 1999, p. 103.
22. Usmanov R. Kh., Karabushchenko P. L. Vliyaniye etnopoliticheskikh protsessov na sovremennye reformy mestnogo samoupravleniya (elitologicheskiy analiz). *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2015, no. 4 (59), pp. 66–69.
23. *Federalnyy Zakon "Ob osnovakh prigranichnogo sotrudnichestva v Rossiyskoy Federatsii" ot 2011 g.* Konsultant plus. 2011.
24. Sheffer G. Diaspory v mirovoy politike. *Diaspory*, 2003, no. 1, p. 170.
25. Shishkov Yu. V. Integratsionnye protsessy na poroge XXI v. *Pochemu ne integriruyutsya strany MNG*. Moscow, 2001, p. 17.

ПОНЯТИЕ, РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Новоселов Сергей Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: seveno@rambler.ru

Понятие «сила» принадлежит к числу ключевых и одновременно наиболее дискуссионных в теории международных отношений. Как и большинство категорий, понятие «силы» в теории международных отношений не имеет устоявшегося, общепринятого определения. Введение Дж. Наем в научный оборот концепции «мягкой силы» и последовавшие за этим споры лишь усугубили ситуацию терминологической неопределенности вокруг данного понятия. В данной статье предпринимается попытка обозначить общие подходы к формулированию определения концепции «мягкой силы», которое позволило бы, с одной стороны, провести грань между «мягкой» и «жесткой силой», а с другой – показать их структурную взаимосвязь и взаимозависимость в рамках внешнеполитической деятельности игроков на международной арене. Каждая из выше названных «сил» базируется на разных ресурсах. И «жесткая», и «мягкая сила» в зависимости от контекста, в зависимости от его целей могут происходить из задействования любого типа ресурсов, имеющихся в его распоряжении, а чаще всего – из их сочетания. Безусловно, наличие единых ценностей, разделяемых государствами, способствует сотрудничеству между ними, однако отнюдь не является решающим моментом. Поведение государства диктуется, прежде всего, его интересами, а не факторами субъективного порядка.

Ключевые слова: теория международных отношений, сила, «мягкая сила», «жесткая сила», ценности, экономика, имидж, публичная дипломатия, образование, наука, культура, ресурсы, национальные интересы, ресурсо-ориентированный подход, контексто-ориентированный подход, потенциал

CONCEPT, ROLE AND IMPORTANCE OF “SOFT POWER” IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

Novoselov Sergey V., Ph.D. (History), Associate Professor, Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а E-mail: seveno@rambler.ru

The concept of “power” is one of the key at the same time the most controversial in the theory of international relations. Like most of the categories, the concept of “force” in international relations theory does not have a well-established, universally accepted definition. J. Introduction. Hiring in the scientific revolution of the concept of “soft power” and the ensuing debates have only exacerbated the situation terminological ambiguity around this concept. This article attempts to indicate the general approaches to the formulation of the definition of the concept of “soft power”, which would allow, on the one hand, to draw a distinction between “soft” and “hard power”, and the other – to show its structural relationship and interdependence within the framework of foreign policy the activities of players in the international arena. Each of the above mentioned “forces” based on different resources. And the “hard” and “soft power” as the context requires, depending on its purpose can be derived from engaging any type of resources available to him, and more often – because of their combination. Of course, the